

только безпрестанная игра на одной и той же струнѣ—а именно съ этимъ мы встрѣчаемся у Каткова. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ такой пріемъ преимущественно *адвокатскимъ*—но въ адвокатской рѣчи онъ гораздо болѣе умѣстенъ (или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе непріятенъ), чѣмъ въ журнальной или газетной статьѣ. Для *слушателей* плеоназмы—конечно, при нѣкоторомъ искусствѣ оратора—не такъ чувствительны, какъ для *читателей*. Смѣна впечатлѣній у первыхъ совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ у послѣднихъ; отсюда, въ иныхъ случаяхъ, необходимость или цѣлесообразность задержки, облегчающей усвоеніе сказаннаго, сосредоточивающей вниманіе на томъ или другомъ главномъ тезисѣ оратора. При чтеніи задержка всегда зависитъ отъ самого читателя; онъ можетъ остановиться, еще разъ просмотрѣть прочитанное—и автору незачѣмъ неуклонно держаться латинской поговорки: *bis repetitum placet*. Лично для оратора, вдобавокъ, фигура повторенія является иногда точно отдыхомъ, въ продолженіе котораго—если онъ импровизируетъ свою рѣчь—онъ можетъ подготовить, мысленно, переходъ къ другой серіи аргументовъ. Положеніе писателя—совсѣмъ иное; онъ свободенъ остановиться, гдѣ и когда хочетъ, ему нѣтъ надобности прибѣгать къ искусственнымъ паузамъ мысли, во время которыхъ продолжаетъ звучать или двигаться слово. Чѣмъ чаще встрѣчаются у него повторенія и усугубленія, тѣмъ больше основаній предполагать въ немъ бѣдность внутренняго содержанія, прикрываемую обиліемъ внѣшнихъ формъ. Мы видѣли уже, какъ скучна, въ самомъ дѣлѣ, подкладка длиннаго ряда фразъ, посредствомъ которыхъ Катковъ выставляетъ на видъ всеобщее негодованіе противъ „Рокового вопроса“ или тщету занятій гегелевскою философіей. Приведемъ, изъ той же статьи, второй примѣръ, еще болѣе поразительный. Рѣчь идетъ о туманности и пустотѣ, свойственной славянофильству. „Смѣемъ увѣрить нашихъ пророчествующихъ народолюбцевъ, что они возвратятся къ народу и станутъ на почву, о которой они такъ много толкуютъ, не прежде, какъ переставъ толковать о ней и занявшись какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ. Не прежде эти мыслители обрѣтутъ то, чего ищутъ, какъ прекративъ свои исканія. Не прежде станутъ они дѣльными людьми, какъ переставъ пророчествовать и благовѣствовать. Не прежде станутъ они и русскими людьми, какъ переставъ отыскивать какой-то таинственный талисманъ, долженствующій превратить ихъ въ русскихъ людей. Они наткнутся на искомую народность не прежде, какъ переставъ отыскивать ее въ какихъ-то превысиренныхъ началахъ, въ пустотѣ своей ничѣмъ не занятой и надутой мысли...“ Мы прерываемъ здѣсь нашу выписку не потому, чтобы запасъ повтореній былъ уже исчерпанъ; нѣтъ, они продолжаютъ еще на протя-